

УДК 330. 1

Александрова С.С.

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ Л. Н. ТОЛСТОГО И ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ИСТОРИИ

Актуальность проблемы продиктована недостаточной проработкой в современной отечественной философии вопросов, связанных с формированием и трансформацией философско-исторической концепции Л.Н. Толстого и, прежде всего, определения места субъекта истории. Сущность человека рассматривается через проблему свободы, как активное движущее начало исторического процесса. Целью исследования является экспозиция и анализ взглядов Л.Н. Толстого на важнейшие проблемы философии истории.

В творчестве Толстого философские и художественные достижения человеческого интеллекта сопряжены в единое целое. Именно эта целостность позволяет нам выделить в его взглядах новый подход к философско-историческим проблемам и, прежде всего, к проблеме субъекта истории.

До сих пор научные взгляды Толстого не оценены в полной мере. Ограниченность традиционного подхода состоит в утверждении, что его открытия лежат вне научного русла, исключительно в русле художественного мировосприятия. На этой основе многие идеи и взгляды писателя и философа упрощались, деформировались, сводились к решению вопроса о соотношении роли народных масс и личности в историческом процессе.

В самом деле, идеи и взгляды Толстого, безусловно, гораздо сложнее и шире. Выделим некоторые, наиболее важные проблемы в его философско-исторических исследованиях: непрерывность исторического процесса как его объективное начало; движущие силы истории; роль личности в историческом процессе и проблема свободы.

В представлении Толстого исторический процесс - есть движение двух неравных потоков, один из которых - жизнь историческая (основные эпохи и исторические деятели); второй - жизнь человеческая, т.е. жизнь народа, слагаемая из частных судеб. По мысли Толстого, ход истории - это некое движение «роевой» жизни, где исторические события возможны тогда, когда совпадают усилия массы людей, всего народа и каждой личности.

Толстой утверждает, что повседневная жизнь обыкновенных людей гораздо богаче и значительнее, чем принято считать. Она - первооснова, из которой вырастает жизнь историческая. Каждый участник исторических событий для Толстого не менее важен, чем великий исторический деятель. Направление воли миллионов людей, которые с позиции исторической науки - бесконечно малые

величины, но в сумме они и определяют историческое развитие. Бесконечное множество интересов и побуждений отдельных людей творит историю.

Все процессы природной и общественной жизни подчиняются закону причинности. Толстой искал ответ на вопрос о силе, движущей народами. Он приходит к выводу о том, что «до тех пор, пока пишутся истории отдельных лиц - будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры, а не история всех, без одного исключения всех людей, принимающих участие в событии, историкам никогда не удастся решить вопрос о движущих силах исторического процесса иначе, как путем признания силы, способной двигать массами за этими историческими деятелями» [1, с. 305]. Толстой критиковал тех историков, которые считали, что все исторические события есть результат деятельности отдельных лиц, облаченных неограниченной верховной властью.

Приказания исторических героев, полководцев и государей не суть причины событий, воля одного человека не может руководить волей миллионов жизней. Толстой отрицает возвышение героев в истории, он утверждает, что царь - раб истории. Он подчеркивает свою мысль очень выразительными сравнениями: «Наполеон во все это время своей деятельности был подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображал, что он ей правит...» [1, с. 92]. Отсюда и противопоставление истории отдельных лиц и истории всех людей, принимающих участие в событии.

Именно сила народного духа родит и выдающихся полководцев, осуществляющих в своей деятельности то, что нужно народу и чего хочет народ. Подлинное, нужное народу дело выполняет, по мысли Толстого, лишь тот полководец, который умеет улавливать и постигать народный дух.

По Толстому, великий человек *становится* таковым в той степени, в какой получает свою силу от народа, носит в своей груди нравственное народное чувство. Он связан с массой обыкновенных людей общенародным совместным действием.

Так, Толстой назвал Кутузова великим человеком, потому что целью своей деятельности тот поставил цель всеобщей необходимости. Прозрение и смысл совершающейся истории было отречением от всего личного, которое могло бы отвлекать силы. Толстой подчеркивает нравственное достоинство Кутузова как полководца, деятельность которого была направлена к одной и той же цели, причем к такой, которая имела общенациональное значение, которая совпадала с волей всего народа. Толстой подчеркивает целеустремленность всех действий Кутузова, сосредоточенность ума и воли на задаче, вставшей перед русским народом в ходе истории. Кутузов все делает для того, чтобы помочь народу выполнить его историческую миссию.

То народное чувство, которое носил в себе Кутузов, выдвинуло его в представители народной освободительной войны, сообщило ему нравственную свободу, проявившуюся в прозрении высших законов. Само прозрение Кутузова было результатом органического слияния с народом, духовной общности с ним. «Шар – все, капелька на поверхности шара - ничто, если она не сливается со всеми другими каплями» [1, с. 123].

Толстой убежден, что теория о перенесении совокупности воли масс на историческое лицо не нашла подтверждения в историческом опыте, точно так же как и теория о влиянии приказаний одного лица на ход событий. События идут чередой независимо от человеческой воли, и иллюзорное представление о причинной зависимости их от людских приказаний - это следствие совпадения событий с некоторыми приказами. Приказы отдельных лиц, якобы управляющих волей массы людей, участвующих в сражениях, не есть само историческое событие, а лишь знаковая форма, ярлык, обозначающий, но не объясняющий событие. Толстой пишет, что «единственное понятие, посредством которого может быть объяснено движение народов, есть понятие силы, равной всему движению народов» [1, с. 305].

Итак, отвечая на вопрос, что же движет народами, Толстой утверждает, что исторические события как бы predetermined извне, отмечая, что одним из оснований этой predeterminedности является совпадение личностных интересов. Основанием, ограничивающим predeterminedность внешнего характера, является стихийность. Так, в обрисовке исторических событий партизанской войны 1812 г. акцент им сделан на стихийность организации первых партизанских отрядов:

«Прежде чем партизанская война была официально признана нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии были истреблены казаками и мужиками так же бессознательно, как собаки загрызают забегающую, бешеную собаку» [1, с. 123].

Таким образом, у Толстого историческое событие - стихийно складывающийся, непредусмотренный результат деятельности всех людей, рядовых участников истории. В историческом процессе осуществляется скрытая, ведущая целесообразность. Для каждого человека деятельность в ее субъективных целях является сознательной и свободной, но в сложении итогов многих и разных деятельностей получается не предусматриваемый и не сознаваемый людьми результат. Человек сознательно живет для себя, но *служит* бессознательным орудием для достижения исторических общечеловеческих целей. Объективные результаты исторической деятельности людей не совпадают с личными их целями и действиями, и в этом смысле эти действия являются бессознательными.

В бессознательной деятельности людей, по Толстому, проявляется воля провидения.

Здесь взгляды Толстого как бы совпадают со взглядами Гегеля. По Толстому - провидение, по Гегелю - Мировой дух осуществляет свои цели, используя деятельность людей, обусловленную частными интересами. Вместе с тем, подчинив историю Мировому Разуму, Гегель, однако, сделал его представителем всемирно-исторических индивидуумов. Толстой же отрицал возвышение героев в истории. Всемирно-исторические индивидуумы, ближайшие исполнители цели Мирового Разума, по Гегелю, обречены на трагическое положение, потому что они угадывают то, что не может быть понято всей совокупностью людей. В эпохе исторических переломов возникают трагические противоречия. Историческими людьми Гегель называет тех деятелей, в целях которых содержится то всеобщее, которому принадлежит будущее. Активная роль этих людей в истории, по Гегелю. Они

выражают в своей деятельности возможности будущего этапа исторического развития. Всемирно-историческая личность прозревает следующую ступень в развитии общества и тем самым нарушает существующие нормы и законы, уже потерявшие свое субстанциональное значение. И в этом они противостоят народу как инертной массе. Толстой же считает отзывчивость на общий смысл событий свойством самой народной массы. Каждый человек - участник общественной истории, и он вливается в равнодействующую всех волей.

Свои окончательные выводы по вопросу о силе, движущей народами, Толстой сформулировал так: «На вопрос о том, что составляет причину исторических событий, представляется... ответ, заключающийся в том, что ход мировых событий предопределен свыше, зависит от совпадений всех произволов людей...» [3, с. 126].

Признание необходимости как объективного начала истории сочетается в философии Толстого с признанием активного личностного начала.

Теоретические размышления Толстого о свободе и необходимости позволяют нам ответить на вопросы о том, что в представлении Толстого является глубинным ядром человеческой личности, какова взаимосвязь человека и истории.

Непосредственно сознаваемая личностная свобода воли в сочетании с законом необходимости, обусловленности является предметом упорного размышления Толстого. Он считает, что свобода человека, «мгновенное, непреодолимое ощущение жизни, как «неизвестная сущность жизни», «может быть только предметом метафизики, точно так же проявление силы свободы людей в пространстве, времени и зависимости от причин составляет предмет истории [4, с. 337]. Толстой утверждает, что представить человека, не имеющего свободы, невозможно. Он различает в человеке «разум», который мыслит формами пространства, времени и причинности, и «сознание», направленное внутрь себя, в глубину своего духовного «я», «сознание» как ощущение своей духовной свободы. Именно поэтому человек чувствует себя в своих действиях и обусловленным, и одновременно свободным.

Размышляя над вопросом о свободе разумного существа, Толстой в период создания «Войны и мира» обращается к философии Канта, к его утверждению возможности «свободной причинности» в соединении «со всеобщим законом естественной необходимости». Кант ставит вопрос о том, возможна ли свобода вообще и совместима ли она со всеобщностью естественного закона причинности, и приходит к выводу о том, что в чувственно воспринимаемом мире все совершается согласно закону необходимости, поэтому свобода невозможна. Но Кантом утверждается также свободная умопостигаемая причинность, независимая от естественного закона необходимости. Кант поднимает человека над природным миром, как располагающего чистым практическим разумом, который действует свободно. Человек располагает умопостигаемой причинностью и поэтому ответственен за свое поведение.

По мысли Толстого, человек свободен. Свободная воля для него - это проявление того «я», которое выходит из условий времени, т.е. из условий чувственно воспринимаемого мира. Человек сознает в себе непосредственным сознанием это духовное «я», то, что Кант называет умопостигаемым характером, не

подлежащим законам причинности и существующим одновременно с этим законом необходимости, как свободная деятельная сущность, из самой себя начинающаяся активность.

В самом себе каждый сознает полную свободу воли, и без этого сознания он не мог бы жить ни одного мгновения, хотя одновременно обусловлен многообразными воздействиями.

Свобода и необходимость, разум и сознание рассматриваются Толстым в неразрывном единстве: «Свобода, ничем не ограниченная, есть сущность жизни в сознании человека. Необходимость без содержания есть разум человека с его тремя формами. Свобода есть то, что рассматривается. Необходимость есть то, что рассматривается. Свобода есть содержание. Необходимость есть форма» [1, с. 336].

Человек охотно подчиняется законам необходимости, имея разумные представления о всеобщей взаимосвязи обусловленности, и одновременно он полагает себя безгранично свободным.

Толстой признавал не относительную автономность воли, а ее абсолютную свободу: «Чтобы быть свободным, воля человека должна быть одна и вне времени, и не иметь причины. Я один и вне времени и не имею причины, говорит сознание человека и говорит только это. И только в этом одном состоит метафизический узел понимания жизни» [3, с. 254]. Но сознание своей духовной свободной сущности реализуется в том же ряду строжайше обусловленных поступков и переживаний. Человек чувствует себя принадлежащим сразу двум мирам: конкретно-чувственному и трансцендентальному. Он подчиняется необходимости, но как умопостигаемая сущность свободен от условий времени, пространства и причинности.

«Ряд опытов и рассуждений показывает каждому человеку, что он как предмет наблюдения подлжит известным законам, и человек подчиняется им и никогда не борется с раз узанным им законом тяготения или непроницаемости, но этот же ряд опытов и рассуждений показывает ему, что полная свобода, которую он сознает в себе - невозможна, что всякое действие его зависит от его организации, от его характера и действующих на него мотивов, но человек никогда не подчиняется выводам этих опытов и рассуждений» [1, с. 324]. Человек не подчиняется выводам теоретического разума, потому что в нем живет сознание своей свободы как своей глубочайшей сущности.

Рассмотрим проблему субъекта истории через призму соотношения относительной и абсолютной свободы.

Толстой не мог успокоиться на признании свободы только как трансцендентной, существующей одновременно со всеобщей естественной причинностью. В реальной жизни людей он стремился проследить проявление не только закона необходимости, но и проявление свободной воли людей. «Наше воззрение не только не исключает нашу свободу, но непоколебимо устанавливает существование ее, основанное не на разуме, а на непосредственном сознании. Каковы бы ни были общие законы, управляющие миром и человечеством, бесконечно малый момент свободы всегда неотъемлемо принадлежит мне. И признание этого ограничения свободы не приводит меня к рассуждению восточных

о тщете действия, напротив, заставляет меня пользоваться каждым моментом свободы» [4, с. 239].

Понятие бесконечно малых моментов свободы во времени было попыткой Толстого обосновать свободу человека в реальном жизненном процессе. Эту относительную свободу он абсолютизирует и считает проявлением трансцендентной сущности. В каждый момент настоящего человек как субъект как бы изымается из условий времени, конкретно-исторического бытия, мгновенно становится свободным, т.е. выходит из цепи причинно-следственных связей, из ряда всеобщей обусловленности. Именно в этом смысле каждый человек становится субъектом, действующим лицом истории.

Толстой глубоко убежден, что личность подвижна только во времени и пространстве, а в своем глубинном содержании она абсолютно свободна и неподвижна. Он писал: «Неподвижность есть, но вне пространства. В пространстве же существуют только бесконечно малые моменты неподвижности» [4, с. 235].

Таким образом, личность, по мнению Толстого, неподвижна и свободна в своем субстанциальном содержании, которое, однако, проявляется во времени, в бесконечно малые моменты. Настоящее время для писателя - время абсолютной свободы; в каждое мгновение настоящего человек может произвести выбор, принять решение.

Поскольку человек располагает свободой выбора, он несет ответственность за свое поведение. Бесконечно малый момент свободы - момент проверки нравственной ценности личности. Толстой призывает пользоваться каждым моментом свободы именно в целях утверждения добра.

Человек, располагающий внутренней свободой и связанным с ней нравственным сознанием, осуществляет свою волю уже в чувственно-конкретном мире. Свобода у Толстого - дар практической жизни людей. Человек у него рождается с сознанием своей свободы, ощущает свободу в каждый момент настоящего, для него без свободы нет жизни. Сознание свободы - источник нравственного роста, духовная основа существования.

Глубинной основой человеческой личности Толстой считает сознание своей духовной сущности, своей непреходящей внутренней свободы. Убеждение его в том, что глубинным ядром личности является духовность, не познаваемая для разума, но открытая сознанию, та духовность, проявления которой абсолютно свободны и одновременно обусловлены.

Утверждение диалектического единства неподвижности и развития обращает Толстого к закону текучести человека во времени, единому закону жизни, как частной, так и исторической. И здесь в жизни частное время вливается в общий поток души субъектов истории - это скрещение неподвижности и текучести, свободы и обусловленности. Мгновения настоящего времени - это возможные проявления нравственного сознания человека, его абсолютной духовности, а также, рядом с этим ощущением, - неподвижности и неизменяемости. Текучесть для Толстого есть тот вечный закон, по которому человек является атомом общественной истории, потому что его душевная деятельность совпадает с непрерывным течением исторической жизни.

Выводы. Ядром концепции Толстого является закон непрерывности исторического процесса, т.е. движение исторического процесса возможно, когда совпадают усилия всех людей, всего народа. Реальное движение людей как субъектов истории составляет объективное начало исторического процесса.

Общеисторическая жизнь есть для Толстого равнодействующая бесконечно малых величин психической жизни человека, всех людей. В функциональной зависимости этих величин Толстой находит совмещение внутренней жизни отдельного человека с законами истории.

Толстой искал общее и вечное взаимодействия и взаимосвязанности хода истории с течением частной жизни людей. Философия истории Толстого неотделима от его философии человека. Человек есть атом общественно-исторической жизни, и потому-то изучение человека, выведение законов эволюции человека, который имеет сложную уровневую интегральную и социальную систему, и дает ключ к познанию закономерностей общества и его истории.

Список литературы

1. Толстой Л.Н. Война и мир. Т.3-4/Л.Н. Толстой. - М.: Гослитгиздат, 1957. -781 с.
2. Толстой Л.Н. Война и мир. Т.1-2/ Л.Н. Толстой. - М.: Гослитгиздат, 1957, -763 с.
3. Толстой Л.Н. Исповедь Т. 16 М.: Художественная литература, 1984-106 с.
4. Толстой Л.Н. Черновые наброски к эпилогу. Т. 22 / Л. Н. Толстой. - М.: Художественная литература,1984. - 878 с.

Поступило в редакцию 21.02.03